

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Игры взрослых с богами или детские игрушки?

«Царевич» Степной Скифии

Дети среднедонских поселений

«Олень — золотые рога»: анализ сюжета

Столичный город в низовьях Сырдарьи

О колесничестве в царстве Чжуншань

Погребение «жрицы» из Филипповки

Редколлегия номера:

Игорь В. Бруяко (ответственный редактор),

Виталий С. Синика (зам. отв. редактора)

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 3.
Archaeology and Cultural Anthropology

Children and Adults in the Iron Age

Adults playing with gods, or toys for children?
“Prince” of the Steppe Scythia
Children from the Middle Don settlements
The Deer with the Golden Horns: story analysis
Capital city in the lower course of the Syr Darya
Wheel chariots in Zhongshan Kingdom
Grave of a “priestess” from Filippovka

Volume Editorial Board: **Igor V. Bruyako** (Editor-in-Charge),
Vitalij S. Sinika (Associate Editors)

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2023

Stratum plus. Nr. 3.
Arheologie și antropologie culturală

Copiii și maturii epocii fierului

Jocurile maturilor cu zeii sau jucării pentru copii?
„Prințul” Sciției de Stepă
Copiii așezărilor Donului de Mijloc
„Cerb — coarne de aur”: analiza subiectului
Orașul de capitală pe cursul de jos al Sîrdariei
Cu privire la căruțarie în regatul Zhongshan
Mormântul de „preoteasă” din Filippovka

Colegiul de redacție a volumului: **Igor V. Bruyako** (redactor responsabil),
Vitalij S. Sinika (redactori adjuncți)

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

- В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур (Брянск, Россия). Керамические звери лесных городищ: игры взрослых с богами или детские игрушки? 15
- Ю. Г. Кокорина (Москва, Россия). «Царевич» Степной Скифии (детское погребение из Толстой Могилы в контексте мифологической картины мира скифов) . . 27
- Ю. Д. Разуваев (Воронеж, Россия). Дети среднедонских поселений скифской эпохи в жизни и смерти 43
- Н. С. Савельев (Уфа, Россия). Детское погребение из Шатмантамака: культурные традиции между радиоуглеродной и археологической хронологией 55

АНИМАЦИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

- Г. С. Джумабекова (Алматы, Казахстан), Д. К. Досаева (Астана, Казахстан), Г. А. Базарбаева (Алматы, Казахстан). «Олень — золотые рога»: анализ сюжета седельного покрытия из элитного погребения в Казахском Алтае . . 69
- Р. В. Зимовец (Киев, Украина). О некоторых образах архаических монет Ионии и Малой Азии на скифских зооморфных бронзовых бляхах 85
- О. С. Лихачева (Барнаул, Россия). «Оленные» камни как источник при создании графических реконструкций 111
- Ю. А. Прокопенко (Ставрополь, Россия). Ажурные бляхи IV—II вв. до н. э. из памятников Центрального Предкавказья 121
- В. К. Фёдоров (Уфа, Россия). Наборы костяных пластин с орнаментом «плексис» из раннекочевнических погребений III в. до н. э. на Южном Урале 133

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

- И. В. Бруяко (Одесса, Украина). Из онтологии современной археологической науки (О параллельных дискурсах и пороге взаимопонимания между Востоком и Западом) 151

ПРОЗА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Е. Е. Антонов (Москва, Россия). Дома поздних скифов в Северо-Западном Крыму во второй половине I в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. 165
- Ж. Р. Утубаев (Алматы, Казахстан), С. Б. Болелов (Москва, Россия), А. Д. Касенова (Алматы, Казахстан). Бабиш-мола — столичный город эпохи античности в низовьях Сырдарьи: стратиграфия, периодизация, хронология 179

- В. А. Борзунов** (Екатеринбург, Россия), **Г. В. Бельтикова** (†), **П. А. Косинцев** (Екатеринбург, Россия), **С. В. Кузьминых** (Москва, Россия).
Металлургический «завод» раннего железного века в Уральских горах . . . 201
- П. И. Шульга, Д. П. Шульга** (Новосибирск, Россия). О колесничестве в царстве
Чжуншань и других полуварварских раннегосударственных образованиях . . . 243
- А. З. Бейсенов, А. В. Паничкин** (Алматы, Казахстан), **И. В. Горашук** (Самара, Россия),
Д. Т. Шашенов (Караганда, Казахстан). Кинжал иссыкского типа из Темирши,
Центральный Казахстан: результаты металлографического, химического
и трасологического анализов 255
- Т. В. Егорова, С. В. Ольховский** (Москва, Россия). Чернолаковая керамика
со штампованным орнаментом из подводных исследований у мыса
Ак-Бурун 267
- С. Ю. Монахов** (Саратов, Россия). О новом типе амфор «Спорады-1»,
подражающем таре Икоса 289
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко** (Краснодар, Россия). Сероглиняные рыбные блюда
из меотских могильников правобережья Кубани 303

МЁРТВАЯ ТИШИНА

- Н. Н. Головченко** (Барнаул, Россия). Половозрастная дифференциация
предметного комплекса одежды по материалам погребальных памятников
Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. 319
- О. В. Аникеева** (Москва, Россия), **М. А. Балабанова, В. М. Клепиков** (Волгоград,
Россия), **А. С. Пилипенко** (Новосибирск, Россия). Погребение «жрицы»
из Филипповки: опыт комплексного исследования 341
- Е. А. Попова** (Москва, Россия). Склепы с уступчатыми перекрытиями некрополя
у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму: конструктивные особенности,
истоки традиции, семантика 369
- Е. П. Секерская** (Одесса, Украина), **В. С. Синика** (Тирасполь, Молдова). Животные
в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра
V—IV вв. до н.э. 391

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

- И. В. Бруйко** (Одесса, Украина). Презентация книги: Радуга-Александру Драгоман
при участии Андрея В. Красножона и Кэтэлина И. Николае. Археология,
история и политика в Транснистрии 1941—1944 гг. Харьков: Фолио, 2023. –
644 с.: 595 ил. ISBN 978-617-551-313-2 405

Список сокращений 411

Авторам *Stratum plus* 415

C O N T E N T S

DEPRIVED CHILDHOOD IN THE IRON AGE

- V.N. Guryanov, A.A. Chubur (*Bryansk, Russian Federation*). Ceramic Animals of Forest Settlements: Games of Adults with Gods or Children's Toys? 15
- Yu. G. Kokorina (*Moscow, Russian Federation*). The "Prince" of Steppe Scythia (Children's Burial from Tovsta Mohyla in the Context of Mythological Picture of the Scythian World) 27
- Yu. D. Razuvaev (*Voronezh, Russian Federation*). Life and Death of Children from the Scythian Time Middle Don Settlements 43
- N. S. Savelev (*Ufa, Russian Federation*). Children's Burial from Shatmantamak: Cultural Traditions between Radiocarbon and Archaeological Chronology 55

CARTOONS FOR ADULTS

- G. S. Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*), D. K. Dossayeva (*Astana, Kazakhstan*), G. A. Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*). A "Deer with Golden Horns": Analysis of the Plot of the Saddle Decoration from an Elite Burial in the Kazakh Altai . . . 69
- R. V. Zymovets (*Kyiv, Ukraine*). On Some Images of Archaic Coins of Ionia and Asia Minor on Scythian Zoomorphic Bronze Plaques 85
- O. S. Likhacheva (*Barnaul, Russian Federation*). "Deer" stones as a Source when Creating Graphic Reconstructions 111
- Yu. A. Prokopenko (*Stavropol, Russian Federation*). Openwork Plaques of the 4th—2nd Centuries BC from the Sites of the Central Ciscaucasia 121
- V. K. Fedorov (*Ufa, Russian Federation*). Sets of Bone Plates with "Plexys" Ornaments from Early Nomad Burials of the 3rd Century BC in the Southern Urals 133

CONFLICT OF INTERPRETATIONS

- I. V. Bruyako (*Odessa, Ukraine*). From the Ontology of Modern Archaeological Science (About Parallel Discourses and the Threshold of Mutual Understanding between East and West) 151

EVERYDAY PROSE

- E. E. Antonov (*Moscow, Russian Federation*). Late Scythians' Houses in North-West Crimea in the Second Half of 1st Century BC — First Quarter of 1st Century AD 165
- Zh. R. Utubayev (*Almaty, Kazakhstan*), S. B. Bolelov (*Moscow, Russian Federation*), A. D. Kasenova (*Almaty, Kazakhstan*). Babish-mola — the Capital City of Antiquity in the Lower Reaches of the Syr Darya: Stratigraphy, Periodization, Chronology 179

V.A. Borzunov (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). G.V. Beltikova (†), P.A. Kosintsev (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>), S.V. Kuzminykh (<i>Moscow, Russian Federation</i>). An Early Iron Age Metallurgical “Plant” in the Ural Mountains . . .	201
P.I. Shulga, D.P. Shulga (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). About the Chariot in the Zhongshan Kingdom and Other Semi-barbaric Early States	243
A.Z. Beisenov, A.V. Panichkin (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), I.V. Gorashchuk (<i>Samara, Russian Federation</i>), D.T. Shashenov (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>). Issyk-type Dagger from Temirshi, Central Kazakhstan: Results of Metallographic, Chemical and Traceological Analysis	255
T.V. Egorova, S.V. Olkhovskiy (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Black-Glazed Pottery with Stamped and Incised Decoration from Underwater Research near Ak-Burun Cape	267
S. Yu. Monakhov (<i>Saratov, Russian Federation</i>). About the New Type of Amphorae “Sporades-1”, Imitating the Amphorae of Ikos	289
N. Yu. Limberis, I.I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Gray-clay Fish Plates from the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River . . .	303

DEADLY SILENCE

N.N. Golovchenko (<i>Barnaul, Russian Federation</i>). Differentiation of the Clothing Inventory by Sex and Age Based on Materials from Funerary Sites Found in the Upper Obi Region Dated by the Second Half of the First Millennium BC	319
O.V. Anikeeva (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M.A. Balabanova, V.M. Klepikov (<i>Volgograd, Russian Federation</i>), A.S. Pilipenko (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Burial of a ‘Priestess’ from Filippovka 1 Cemetery: an attempt of a comprehensive study	341
E.A. Popova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Crypts with Stepped Ceilings of the Necropolis near the Village Zaozernoie in the Northwestern Crimea: Design Features, Origins of Tradition, Semantics	369
E.P. Sekerskaya (<i>Odessa, Ukraine</i>), V.S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>). Animals in the Funerary Rite of the Scythians on the Left Bank of the Lower Dniester in the 5th—4th centuries BC	391

PRESENTATION

I.V. Bruyako (<i>Odessa, Ukraine</i>). Book presentation: Radu-Alexandru Dragoman, with contributions from Andrei V. Krasnojon and Cătălin I. Nicolae. Archaeology, History and Politics in Transnistria in 1941—1944. Kharkiv: Folio, 2023. – 644 pp.: 595 ill. ISBN 978-617-551-313-2	405
Abbreviations	411
Submissions	415

И. В. Бруяко

Из онтологии современной археологической науки (О параллельных дискурсах и пороге взаимопонимания между Востоком и Западом)

Keywords: archaeological science, politics and archaeology, research paradigms, migrationism and autochthonism, scientific specialization

Cuvinte cheie: știință arheologică, politica și arheologia, paradigme de cercetare, migraționism și autohtonism, specializare științifică

Ключевые слова: археологическая наука, политика и археология, исследовательские парадигмы, миграционизм и автохтонизм, научная специализация

I. V. Bruyako

From the Ontology of Modern Archaeological Science (About Parallel Discourses and the Threshold of Mutual Understanding between East and West)

The article outlines some aspects of the development of archaeological knowledge in the interaction, or rather in the absence of creative interaction between representatives of eastern, post-Soviet archaeology and their colleagues from Western and Central Europe and North America. In the scientific dialogue, there are clearly unhealthy tendencies that have nothing to do with science, which seriously interfere with the synergy of the cognition process. The author sees two such trends. The first is the involvement of archaeological knowledge in the illumination, or even the solution of the problems of modernity of a political and ideological nature. At the forefront of this quasi-scientific trend, there are representatives of countries experiencing various kinds of historical complexes and trying to overcome them in this way. The second is the reluctance of Western specialists to thoroughly study literature in Russian, and even more so in the national languages of the former Soviet republics. This rejection is based on a deep, ingrained confidence in the absolute superiority of the cognitive and analytical abilities of representatives of the Romano-Germanic civilization. As a result, two research paradigms are formed, which develop in parallel, having no points of contact.

I. V. Bruyako

Din ontologia științei arheologice contemporane (Despre discursurile paralele și pragul înțelegerii reciproce dintre Est și Vest)

În studiu sunt conturate unele aspecte ale dezvoltării cunoașterii arheologice, în interacțiune, dar mai precis în lipsa interacțiunii creative dintre reprezentanții arheologiei estice, post-sovietice și colegii lor din Europa de Vest și Centrală, precum și America de Nord. În dialogul științific există tendințe evident nesănătoase, ce nu au nimic comun cu știința, care încurcă serios sinergiei procesului de cunoaștere. Autorul percepe două astfel de tendințe. Prima — atragerea cunoașterii arheologice la elucidarea sau chiar soluționarea problemelor contemporaneității cu caracter politic-ideologic. În avangarda acestei direcții cvasiștiințifice sunt reprezentanții țărilor ce suferă de diferite complexe istorice și care încearcă în așa fel să se debaraseze de ele. A doua — nedorința specialiștilor vestici de a studia în detaliu literatura în limba rusă, cu atât mai mult în limbile naționale ale fostelor republici sovietice. La baza unei astfel de respingeri stă, înrădăcinată în conștiință, profunda încredere despre absoluta întâietate a capacităților cognitive și analitice a reprezentanților civilizației romano-germanice. Drept rezultat se formează două paradigme de cercetare științifică, ce se dezvoltă paralel, fără a avea puncte de conexiune.

И. В. Бруяко

Из онтологии современной археологической науки (О параллельных дискурсах и пороге взаимопонимания между Востоком и Западом)

В статье обозначены некоторые аспекты развития археологического знания, во взаимодействии, а точнее в отсутствии творческого взаимодействия между представителями восточной, постсоветской археологии и их коллег из Западной и Центральной Европы, а также Северной Америки. В научном диалоге существуют явно нездоровые тенденции, не имеющие ничего общего с наукой, которые серьезно мешают синергии процесса познания. Таких тенденций автор усматривает две. Первая — привлечение археологического знания к освещению или даже решению проблем современности политико-идеологического свойства. В авангарде этого квазинаучного направления — представители

стран, испытывающих различного рода исторические комплексы и пытающиеся их таким образом преодолеть. Второе — нежелание западных специалистов обстоятельно изучать литературу на русском, а тем более на национальных языках бывших советских республик. В основе такого неприятия глубокая, укоренившаяся в сознании уверенность в абсолютном первенстве когнитивных и аналитических способностей представителей романо-германской цивилизации. В результате формируются две научно-исследовательские парадигмы, которые развиваются параллельно, не имея точек соприкосновения.

Поводом к размышлениям на данную тему послужили некоторые тенденции в нашей науке, обусловленные особенностями творческого процесса в сочетании с влиянием факторов иного рода, которые, на мой взгляд, нельзя назвать позитивными и полезными, и которые либо давние и неизжитые до сих пор, либо сформировались недавно в условиях нового миропонимания. Почти 20 лет назад мне уже приходилось говорить о том, что не всегда генерирование идей в науке, во всяком случае, в нашей, происходит под влиянием и при участии фактов (Бруяко 2005а: 288). Часто этот процесс выходит из сферы сугубо научной, испытывая сильнейшее воздействие (или даже будучи в большей степени продуктом) общественно-политической конъюнктуры. Наверное, избежать этого вовсе нельзя. Но важно в данном случае удержаться на тонкой грани, отделяющей историзм от историко-политических аллюзий и общественного запроса. Говоря словами классика — соблюсти разумную умеренность и аккуратность. И в данном случае эти слова лишены того сарказма, который был заложен в них Грибоедовым. Сегодня, как впрочем, и ранее, формирование идей и концепций может быть мотивировано и развито одиночками патристического склада¹, либо быть частью какой-то программы, заданной на формальном (государственном) или неформальном уровне. Концепции при этом могут быть либо принципиально новыми, либо старыми, подвергшимися ревизии. В их основе либо оригинальное мышление, либо новые факты. Часто и то, и другое вместе.

Однако новые гипотезы, открытия, идеи, теории — продукт доступный отнюдь не каждому. Интерпретировать новые факты, подавая их как основу нового взгляда на проблему, посредственностью не сможет². В противном случае, всё было бы совсем скучно и серо. А между тем, высказаться, и желательно с претензией на нечто оригинальное, хочется очень многим. И вот, в этой условной толпе жела-

ющих формируются три разновидности учёных: творцы-«демиурги» (мастера), систематизаторы и классификаторы (ремесленники), клерки-резонёры («писцы»)³.

На этом фоне едва ли не самым благодатным декодером обширного поля исторических смыслов является идейно-политическая платформа. Эта платформа, в отличие от сугубо научной, предельно демократична, ибо доступна практически каждому, кто обладает способностью излагать мысли в более или менее внятной форме. При этом вполне закономерно, что степень актуализации этой платформы зависит от степени напряжённости геополитической ситуации в данный момент или в более или менее длинной исторической ретроспективе.

Так было всегда, и значительные усилия в прошлом были потрачены на обоснование исторических претензий разного рода и разного масштаба. Пример Солона, доказывавшего права Афин на о.Саламин сходством погребального обряда в двух этих областях, стоит где-то в начале длиннейшего ряда известных нам фактов подобного рода. В конечном счёте, все эти претензии оформились на основе фонда исторических же источников в виде соответствующих концепций и существуют как утверждающие, так и отрицающие сами себя, но тоже исключительно на научно-исторической основе. И в данном случае нет большой разницы между, скажем, норманизмом, пантюркизмом, панславизмом или их отрицаниями.

Однако очень часто такие идеи порождены разного рода предубеждениями, комплексом вины или национальной неполноценности у субъектов, у которых в прошлом были сюжеты, нанешие глубокую травму в их историческом самосознании.

³ Эта троичная схема, в общем-то, вполне соответствует такой же трёхуровневой классификации человеческого ума, которую различал Макиавелли: «...существует три степени ума: первый доходит до всего сам, второй усваивает то, что поняли другие, а третий не способен ни на первое, ни на второе, и первый ум можно назвать превосходным, второй — выдающимся, а третий — никчемным...» (Макиавелли. Государь. XXII). Пожалуй, лишь последнее определение у Макиавелли кажется слишком беспощадным.

¹ О полусумасшедших индивидуумах речь, понятное дело, не идёт. Имеются в виду академически выдержанные, адекватные коллеги.

² Разве что этот факт — гробница Тутанхамона.

Турки-османы появились в Малой Азии только в XIII в. К тому времени и греки, и армяне жили здесь уже около 2 тысяч лет. Подлинное величие Османской империи позволяло не замечать этой «мелочи» на протяжении столетий вплоть до того момента, когда над ней самой нависла угроза исчезновения. Среди прочих мер по спасению была провозглашена концепция моноэтнического государства, которая реализовывалась как на вербальном, так и на невербальном (силовом) уровне. Кому-то, как, например, сельджукам, повезло, они уже исчезли как народ. К нетурецкому населению, дожившему до новейшего времени, судьба оказалась не столь благосклонна. И поныне турки не признают историческую роль греков, пускай даже древних, в истории земель, ныне входящих в состав Турции. То же самое с армянами, для которых (как, впрочем, и для греков) это «непризнание» имело трагические последствия.

Посчастливилось в этом отношении венграм. Они оказались на той территории, которая полторы тысячи лет до их появления была неким заповедником, рефугиумом для евразийских кочевников, которые своими регулярными посещениями вычищали регион от туземного элемента. Соответственно, на мадьяр никто не обижался, поскольку обижаться было некому.

Да, возможно русская, а в большей мере советская историческая наука, пытаясь как-то сгладить сокрушительные последствия монгольского завоевания, излишне героизировала акции сопротивления, и преувеличивала роль Руси как спасительницы западной цивилизации. Почему так сурово обошлись монголы с маленьким Козельском? Отчаянный героизм семинедельного сопротивления — или страх перед неизбежным и, видимо, жестоким наказанием за убийство послов? В конце концов, это предмет научных споров. Но попытки концептуальной инверсии этого события — отрицания его негативного воздействия на историю Руси, никогда не предпринимались. Во всяком случае, в академической историографии. А вот турецкая историография создала официальную антиверсию армянского геноцида, поставив всё, как водится в таких случаях, с ног на голову⁴.

И здесь хорошо заметна любопытная закономерность. Чем неувереннее в своём полити-

ческом настоящем и историческом прошлом та или иная страна, тем активнее и громче её научные кадры пытаются заглушить эту неуверенность. И наоборот. К примеру, Англия совершенно свободна от комплекса национальной неполноценности, а её представители исторической науки равноудалены от симпатий (антипатий) к бриттам, англам, саксам и норманнам. Два последних народа изжили взаимный антагонизм в течение XII столетия. А на рубеже XVII—XVIII вв. в поэме «Чистокровный англичанин» Даниель Дефо уже с неподражаемым сарказмом и иронией описывает процесс формирования такого англичанина. Немцы и французы не перетягивают друг на друга историческое «одеяло» империи Каролингов, которое было для них общим, по крайней мере, до 843 г. Из недавнего. Клип «Полтава» шведской группы «Саба-тон» — роскошная и полностью достоверная историческая миниатюра. Настолько, что патриотически настроенному русскому слушателю в конце видеоряда становится даже как-то неловко.

Однако за последние 15—20 лет проблема заметно актуализировалась, обретая при этом явно радикальные черты. Происходит ревизия историко-археологических концепций под влиянием современного политического момента и идеологических установок, а отнюдь не на основе новых фактов, или пересмотра старых. Разумеется, официально это не озвучивается, и ревизия предстаёт как абсолютно независимая, объективная и мотивированная исключительно научными факторами. И по-прежнему наиболее динамичные события такого рода, как и 100 и 200 лет назад, разворачиваются на линии противостояния «Восток — Запад».

Наиболее благодатным полем смысловых интерпретаций является историческое поле последних трёх тысячелетий. Преистория не слишком для этого подходит. Она безликая, с племенами зачастую неясной языковой, не говоря уже об этнической принадлежности. Хотя попытки вторгнуться сюда также предпринимались. Например, с целью поиска истоков фракийского континуитета в болгарской и особенно румынской историографии. Или вывести славянский этногенез из хронологической бездны трипольской цивилизации, как это случилось в поздней советской и случается в нынешней украинской историографии. Однако это происходило по большей части от неизбывного желания обеспечить солидную историческую платформу «текущему политическому моменту». А вот по мере приближения к историческому порогу, когда

⁴ С популярным изложением этой самой антиверсии можно ознакомиться, посетив некоторые музеи, преимущественно на востоке Турции. Например, в г. Эрзерум в экспозиции местного музея данной теме посвящён специальный зал.

из мглы предшествующей эпохи постепенно проступают очертания, в которых уже можно опознать знакомые образы и смыслы, попытки выстроить некую преемственность, обосновать родство или право на территорию, эти попытки, опираясь уже на знакомые, узнаваемые реалии, выглядят гораздо более обоснованными и оправданными.

Не слишком искушённый читатель, исходя из нашей классификации во вступительной части, может предположить, что основными фигурантами в деле модернизации истории и археологии в угоду современному идейно-политическому моменту должны выступать не очень отягощённые знаниями и способностями персонажи, скажем, нашего 3 уровня. Однако это поверхностный взгляд на вещи, ибо под напором национал-патриотизма бывает трудно устоять не только «простым смертным». В Румынии эта агрессивная пелена затуманила сознание даже такого глубокого эрудита, как Александру Вулпе. На протяжении всей научной жизни он постоянно обращался к теме скифского присутствия в Карпато-Дунайском регионе. Одна из последних работ А. Вулпе аккумулировала в себе то непостоянство, которое демонстрировал по данному вопросу на протяжении всей своей научной жизни этот выдающийся румынский исследователь (Vulpe 2012). Он так и остался на грани истинно научной позиции с одной стороны и требований политического момента и идеологической концепции с другой. Совесть учёного не позволила ему безусловно примкнуть к шовинистам от науки. Отрицая скифскую миграцию в Трансильванию (и на территорию нынешней Румынии вообще!), он пишет, что не может согласиться также и с идеей, популярной среди румынских историков, о глубоком, непрерывном континуитете, именуемом «гето-дакийским» (Vulpe 2012: 68). И всё же весь пафос этой последней статьи, своеобразного завещания по теме, направлен на ликвидацию исторической основы⁵ в виде любых косвенных аргументов или даже намёков на возможную миграцию с востока иранских племён.

Примерно то же самое можно сказать и о другом патриархе румынской археологии Аттиле Ласло. Хотя иногда кажется, что он более решительно отстаивает очевидное,

что следует уже из названия одной из его последних работ по теме скифского присутствия в запрутской Молдове — “...ein skythisches Gräberfeld in Cozia...” (Laszlo 2015). Но вопросительный знак в конце названия утверждает всё тот же дихотомический инфантилизм. Все содержание работы, её интерпретационная часть, подводит к абсолютно недвусмысленному выводу. И когда, казалось бы, остаётся, подобно герою Булгакова, завершить роман одной фразой, автор в последнем параграфе «Status und Identität(en)» вдруг пускается в путаные рассуждения о сложностях интерпретации, неоднозначности трактовок, каких-то акробатических формах контактов между скифами и гетами, новых исторических парадигмах, центрах силы в Причерноморье и Восточном Прикарпатье и т. д. и т. п. (Laszlo 2015: 334—336) Вместо логически выверенного, выигрышного эндшпиля, мы получаем унылую патовую ситуацию.

А между тем, ещё в 20-е гг. прошлого века один из основателей румынской археологической науки Василе Пырван не видел никаких препятствий к тому чтобы говорить о физическом присутствии скифов западнее Прута (Pârvan 1926: 4 ff)⁶. По-видимому, тогда то самое поле смыслов оставалось таковым, ещё не будучи отравленным идейно-политическими удобрениями «Поле Лжи»⁷.

«Брожение умов» по данному вопросу наблюдается в Венгрии. Один из крупнейших венгерских скифологов Михай Пардуц, видимо, всё же занимался наукой прежде всего. И, как следствие — выверенная, объективная позиция по данному вопросу, наиболее полно сформулированная в его посмертной работе (Parducz 1973). Сложную эволюцию во времени претерпевали взгляды Т. Кеменцеи на проблему присутствия восточных кочевников в Венгрии. Так, в работах 70—80-х гг. XX в. венгерский исследователь говорит о расселившейся в Алфёльде группе восточного происхождения — Фюзешабонь-Мезечат (Kemenczei 1977: 87; 1988: 79). В 1994 г. за этим феноменом он видит миграцию небольшой группы населения с Кубани и северопонтийского региона (Kemenczei 1994: 601). А в 1996 г. речь идёт всего лишь о контактах между элитами

⁵ Именно исторической. В статье речь идёт об источниках. И здесь есть о чём поговорить, пусть и заочно, с автором. Например, самого пристального внимания заслуживает его идея о двухслойности геродотовых сведений об агафирсах и пр. (Vulpe 2012: 57—58).

⁶ Первая глава его классического труда «Getica» называется «Migrații cimmero-scythe. sec. X—VI a. Chr» (Pârvan 1926: 2—41).

⁷ «Поле Лжи» — понятие из 833 г. — Красное поле в Эльзасе, на котором Людовик Благочестивый накануне битвы со своими сыновьями был предан всеми своими приближёнными.

Алфёльда и восточных кочевников (Kemenczei 1996: 270—271). Но в целом позицию венгерских исследователей по вопросу скифской миграции в Карпатский бассейн можно оценить как вполне научную, основанную на данных источников, письменных и археологических. Любопытное, не лишённое, как мне кажется, некоторой иронии, объяснение в связи с такой объективной оценкой приводит Эмилиан Теляга. Он считает, что в основе этой непредвзятости лежит, в том числе, факт похожей миграции, которая привела к появлению собственно венгров на территории будущей Венгрии в конце IX в. (Teleaga 2014: 300).

Образцом объективности и здравомыслия является позиция польских коллег по аналогичному вопросу. При том, что оснований для этого в виде фонда соответствующих источников у них значительно меньше, чем у их румынских и венгерских коллег. А вот соблазна в виде разного рода исторических аллюзий и политических предубеждений, наоборот, куда как больше. Со времён Тадеуша Сулимирски (Sulimirski 1936) и Збигнева Буковски (Bukowski 1977) решение проблемы присутствия скифов на землях нынешней Центральной Европы, и Польши в том числе, основывалось исключительно на материальных свидетельствах такого присутствия в виде соответствующего археологического материала⁸. Эта же позиция сохранилась и впоследствии, прежде всего и в первую очередь в работах Я. Хохоровски (Chochorowski 1985; Хохоровски 1994). Сегодня столь же объективно оценивает ситуацию группа польских археологов, исследующих агломерацию поселений скифского облика у городища Хотинец (Trybała-Zawiślak 2020; Чопек, Трибала-Зависьляк, Токарчик 2020).

Кажется, и в современном румынском скифоведении раздался, наконец, призыв обратиться к фактам и здравому смыслу, отбросив мотивы ненаучного свойства. Разбирая частный случай — находку перстня царя Скила в Добрудже, Э. Теляга уверенно указывает на очевидность физического присутствия скифов к югу от Дуная в V—IV вв. Попутно он отмечает и ущербность теории преемственности между гето-даками и современной румынской народностью (Teleaga 2014: 299—301).

Теории, которая является господствующей в румынской (и молдавской) историко-археологической науке по сей день.

Впрочем, это едва ли не «глас вопиющего в пустыне»⁹. В остальном — без особых изменений. Депопуляция на дунайской равнине в сер. VII в. накануне появления в предгорьях Южных Карпат (Трансильванских Альп) группы Фериджиле никак не связана со скифским вторжением, уверен Д. Мэндеску (Măndescu 2017: 127). Может быть, прямой последовательности — *post hoc ergo propter hoc* — в данном случае действительно не было. Но наличие приблизительно десятка раннескифских акинаков в погребениях этой группы (Топал 2021: 513—515) должно быть как-то объяснено. Однако причины демографического запустения на рубеже среднего и позднего галыштата в Валахии скрыты в синтаксически-смысловом тумане невнятных фраз о неких обстоятельствах и совпадении факторов, отличных от скифских атак: «The depopulation of the Danube plain in the middle of the 7th century BC, a real fact and archaeology attested, must have been the results of some circumstances and convergences of factors other than the Scythian attack» (Măndescu 2013: 127).

Устранив, таким образом, неудобный фактор, автор далее обращается к универсальной для подобных случаев модели объяснения, которая используется в археологической науке в качестве догмата, или откровения. Я бы назвал её «зелёной» повесткой в исторической ретроспективе, т.е. речь идёт о климатических изменениях, которыми можно обосновать если не всё, то очень многое. При этом тезисами этой теории можно манипулировать, ссылаясь на соответствующие, подходящие к данному случаю работы, но можно обойтись и без этого, что мы и видим в работе Д. Мэндеску.

Защищая, как им кажется, право на историческую самобытность и этнокультурный рафинированный пуризм, сторонники обозначенного выше подхода крайне легковёрны и доверчивы к надуманным концепциям историко-политического величия. И тогда на помощь могут прийти старшие европейские товарищи. Понадобилось выступление

⁸ Попытка вразумления была предпринята из-за Одера. Это Герман Парцингер подверг критике, в частности, идею З. Буковски, а заодно и своих давно ушедших соотечественников, таких, как Пауль Райнеке, которые также были подвержены «... безудержному расцвету фантазии» (Парцингер 1998: 108 сл.).

⁹ Из фундаментальных работ т.с. объективного направления, конечно, следует упомянуть опубликованную более 40 лет назад книгу В. Васильева с характерным названием «Скифы-агафирсы на территории Румынии» (Vasiliev 1980). Впоследствии автор, по собственному признанию, отошёл от данной тематики.

иностранца на страницах одного из ведущих румынских изданий (Strobel 2019), чтобы объяснить всю ненаучность теории государства Буребисты с его чуть ли не просветительской и цивилизаторской миссией, которая культивировалась в румынских политических кругах с подачи части специалистов-археологов и историков¹⁰. В то время как другая часть, как минимум, отмалчивалась, возможно, даже стыдливо краснея.

Хотя ещё в середине прошлого века объединение племён, созданное гетским правителем, характеризовалось как ориентированное исключительно на потребительское существование за счёт территорий, подчинённых силой. Буребиста не ставил себе целью планомерную эксплуатацию покорённых земель (Златковская 1955: 90—91). И тогда вполне логично, что по отношению к населению этих земель применялись совершенно необязательные уже в то время методы поголовного истребления. Соответственно, как пишет Ю. Г. Виноградов, «тщетны поэтому усилия тех исследователей, которые... пытаются определить созданную им [Буребистой] политическую структуру как монархию эллинистического типа» (Виноградов 1989: 270—271)¹¹.

Впрочем, это позиция исследователей умеренного, либерального толка. Она может вызывать даже некую неловкость и смущение, из-за понимания её вынужденности. Нам ли этого не знать! Однако есть и другая группа, коей, помимо в общем-то пассивных деклараций, свойственна более или менее выраженная агрессивность. О себе как об одном из наиболее ярких представителей этого направления заявила Анита Козубова. Представляя небольшую и свободолюбивую (после 1945 г., во всяком случае) страну, она подвергла беспощадной критике одну из научных концепций, сторонники которой имели неосторожность настаивать на том, что за 2500 лет до появления государства Словакия на её будущей территории обосновались какие-то пришельцы с востока. То есть оттуда, с тех земель, откуда спустя опять-таки 2500 лет будет исходить экзистенциальная угроза демократии, свободе и духовным ценностям гендерно нейтральной европейской цивилизации. Причём досталось не только исследователям постсо-

ветского пространства, считающим историко-географическую область культуры Векерзуг частью скифского мира¹², но и, к примеру, венгерским археологам, которые неправомерно пользуются при характеристике этой же культуры такими «этнонесущими», или просто этнически окрашенными, понятиями как «скифская» культура или культура «скифского времени» (Kozubova 2019: 57, Anm.3)¹³. Надо сказать, что Козубовой в каком-то смысле повезло. Она не видела, например, статьи К. Танко, которая вышла через год после её работы. Первая же страница этой публикации вполне может привести к кратковременному когнитивному расстройству у крайних нигилистов — противников скифского присутствия внутри Карпатского бассейна в любой мыслимой форме. На этой странице помещена карта, на которой крупными буквами широкой дугой между Малыми Карпатами и Трансильванией нанесена надпись «Scythians» (Tanko 2020: 361, fig.1).

Что касается оценки этой очень объёмной статьи Козубовой, то очевидно, что её критическая направленность определена уже в самом названии¹⁴. Да и вообще, методологическая установка автора сродни логической ошибке *petitio principii*. Уже в самом начале, сквозь ритуальную нейтрально-конформистскую риторику, отчётливо просматривается логика дальнейшего изложения, которое предвещает следующий постулат — «я считаю, что это так». Вывод заранее очевиден, и вся последующая аналитическая часть направлена на его доказательство. Ist es wirklich so? — патетически вопрошает Козубова всякий раз перед тем, как обрушиться на ортодоксов, отстаивающих восточное происхождение типов вооружения и упряжи (Kozubova 2019: 61), или крестовидных накладок на колчаны (Ibid., 66). Надо отдать должное — автор противостоит лавине фактического материала не только упорно, но и достаточно виртуозно. Научная иде-

¹² И отнюдь не калькой скифской культуры в Восточной Европе, а самобытным, гетерогенным феноменом, который сформировался в том числе и под влиянием скифского фактора.

¹³ Множество упреков А. Козубова адресуется Тибору Кеменцеи (Kozubova 2019: 141, Anm. 90; 143, Anm. 97). Любопытно, что, когда тот же Т. Кеменцеи высказывается в пользу местных истоков какого-либо признака культуры Векерзуг (напр. применение камня в погребальном обряде), это всячески приветствуется (Ibid., 146).

¹⁴ При соответствующем техническом подходе статья вполне могла быть оформлена в виде небольшой монографии.

¹⁰ Аккумулированное и, пожалуй, одно из наиболее радикальных изложение этой идеи содержится в монографии И.-Г. Кришана (Crişan 1977; 1978 — англ. версия).

¹¹ Это мнение разделяли и другие советские исследователи (Карышковский, Клейман 1985: 81).

ологема одна: кто угодно, только не скифы. Акинаки в группе Векерзуг, увы, да, но акинаков такого типа много на Северном Кавказе, а там они найдены отнюдь не в скифских погребениях. И вообще, все праформы акинака зародились далеко на востоке, а их сплав в форму классического акинака произошёл на Северном Кавказе. Т-образное навершие на однолезвийных акинаках — восточный импульс? Ни в коем случае! Есть ведь североафриканские махайры с подобным оформлением рукоятки (Ibid., 84—85). С почковидным перекрестием векерзугских мечей поделаться, правда, ничего нельзя. Но, отметив эту досадную неизбежность (Ibid., 85—86), можно просто не акцентировать на ней внимание, что и делает А. Козубова. Изрядно пришлось повозиться с многочисленными украшениями (подвесками, бусами). В результате ареал заимствований оказался предельно расплывён — Словения и Болгария, Северная Италия и Южная Франция, Польша и другие Остзейские области (Ibid., 100, 102, 108). Был подключён также фактор импортозамещения, как в случае с каолиновыми бусами, или зеркалами «ольвийского» типа (Ibid., 99, 127). И всё же искоренить саму возможность восточных импульсов не удалось. Так, для подвесок каури был сохранён восточный маршрут, правда, наряду с южным через западнопонтийские области. Само собой разумеется, что именно этот последний маршрут и является наиболее вероятным (Ibid., 101).

Хорошо заметно, что для минимизации значения скифского фактора А. Козубова много и охотно обращается к областям Кавказа, не смущаясь при этом хронологической глубиной собственного погружения — вплоть до куро-аракского энеолита и триалетской культуры (Ibid., 109). Вряд ли она не знает о взаимном культуртрегерстве евразийских кочевников и аборигенов Кавказа. Возможно, А. Козубова полагает, что влияние последних настолько серьёзно отразилось на структуре внутреннего мира кочевников, и их понимании мира внешнего, что скифы, прошедшие северокавказское «чистилище», в итоге оказались «на правильной стороне истории».

В стремлении искоренить влияние собственно скифов-кочевников, Козубова провела и культурно-географическую санацию скифского мира, фактически исключив из него лесостепные районы Украины и Молдавии, и оставив только степные области Северного Причерноморья, население которого не имело никакого влияния на формирование комплекса культуры Векерзуг (Ibid., 154).

И это при том, что греческие полисы, которые находились здесь же, в этой же степной полосе, такое влияние оказывали (Ibid., 156).

Венцом данного произведения можно считать фразу на последней его странице. Здесь А. Козубова договорилась до того, что скифскую культуру Восточной Европы и Северного Кавказа она называет «sog.[ennante] skythischen Kultur» (Ibid., 159). После этого целесообразность, да и просто уместность дальнейшей дискуссии, во всяком случае, на научной платформе, кажутся весьма сомнительными.

К счастью, вся эта гремучая смесь гносеологического нигилизма с онтологическим релятивизмом на общественно-идеологической платформе, да ещё и с привлечением антиутопической системы ценностей, не носит пока тотального характера. Но настораживает наличие в списке всё большего числа исследователей с высокой научной репутацией.

Ещё одна проблема, так или иначе порождённая фанатериями историко-культурного и идейно-политического свойства, заключается в игнорировании, чаще всего сознательном, идей, интерпретаций, гипотез и доказанных положений, исходящих от представителей научного лагеря, нежелательного для диалога, либо его не заслуживающего.

Многие из наших европейских коллег в вопросах историографии предпочитают стоять на позициях берклианского идеализма (*esse est percipi*) — если им неизвестны какие-то работы по той или иной проблеме, значит, их нет. Но это ещё полбеды. Совсем плохо, когда об этих работах знают. А не ссылаются по причине нежелания читать (или цитировать) русскоязычную литературу, объём которой очень велик и, прежде всего, по территории бывшего СССР. В результате формируются параллельные научно-исследовательские реальности — западноевропейская и восточноевропейская (постсоветская). Увы, но фраза, укоризненно брошенная Г.В. Вернадским в сторону западных коллег, не замечающих русскоязычную научную литературу — *Slavica non leguntur!* (Славянский не читается!) — по-прежнему актуальна (Вернадский 2001: 283)¹⁵.

¹⁵ М.И. Ростовцев считал, что причина этого в отсутствии мощной научной организации в дореволюционной России, в результате чего разрозненные учёные должны были «...либо писать на чужом языке, что несовместимо с национальным самосознанием многих, либо спокойно смотреть на то как открытые ими истины игнорируются или открываются вторично» (Ростовцев 2002: 28). Это не совсем так. С одной

Так, итальянский специалист в области конского снаряжения, возможно, достаточно известный, по фамилии Каstellуччиа, уверен в том, что северокавказская упряжь позднебронзового — раннежелезного веков изучена очень хорошо лишь потому, что ею занимались У.-Л. Дитц и С. Рейнхольд. В этот же список, правда, попал и А. Иванчик (Castelluccia 2017: 3), который, к слову, никогда специально не занимался этой темой. Произошло это только потому, что его монография 2001 г. была билингвальной (Иванчик 2001)¹⁶. По поводу работы Дитц мне уже приходилось высказываться (Бруяко 2009: 49, сн.4). Добавлю только, что этот том является вполне добротным, полным для своего времени справочным изданием. Что касается монографии С. Рейнхольд, то, на мой взгляд, это весьма добросовестная компиляция всех известных источников, почерпнутых преимущественно из советской кавказоведческой литературы. Её критическая часть весьма ограниченная, а сама книга не является специальной работой по конской упряжи¹⁷. Такими работами, к сведению Каstellуччиа, являются многочисленные статьи на русском языке, вышедшие за последние 70 лет, начиная с А. А. Иессена, а также несколько специальных монографий новейшего времени (Вальчак 2009; Эрлих 2007).

Лепная керамика в зонах древнегреческой колонизации — это альфа и омега проблемы греко-варварских взаимоотношений. Первенство советской школы антиковедения в разработке данной темы совершенно очевидно

(В. В. Лапин, Е. Г. Кастанаян, К. К. Марченко, Н. А. Гаврилюк). Возможно, в какой-то степени это первенство оформилось вынужденно. Отсутствие многочисленных ярких находок, присущих метрополии, заставило отечественных исследователей обратиться к разработке других источников, в том числе и к такому мало эстетичному, как лепная керамика. В то же время в метрополии из-за обилия высокохудожественных и первоклассных находок на эту категорию внимания не обращали. И вот на рубеже тысячелетий время пришло, и к этой теме обращается С. Пападопулос. Его работа на страницах авторитетнейшего издания оставляет много вопросов по части осведомлённости автора и его готовности обсуждать эту тему. И прежде всего, немалое удивление вызывает то, что, рассуждая о факторе лепной керамики в эллинских колониях, в том числе и Северо-Западного Причерноморья, Пападопулос не знает (или делает вид, что не знает) ни единой работы из целого корпуса штудий по данной теме советской и постсоветской школ. В результате некоторые «откровения» автора (напр. Papadopoulos 2001: 184) — банальное следствие незнания историографии.

С другой стороны, безусловно знающий русскоязычную литературу Кр. Паре, тем не менее, рассуждает о хронологии могильника Гордеевка, опираясь исключительно на работу К. Метцнер-Небелсик (Pare 2017: 31,58). Объяснить это можно тем, что, с одной стороны, в статье Метцнер-Небелсик аккумулирована историография по данному вопросу к 2005 г., а с другой, большинство литературы по Гордеевке издано на украинском языке, и Кр. Паре не смог её изучить, по крайней мере, сделать это досконально¹⁸. Но по хронологии Гордеевки имеются работы и на вполне доступном английском (напр. Ślusarska-Michalik 2003). Последняя приведена даже в списке литературы. Но Кр. Паре предпочитает ссылаться на работу Метцнер-Небелсик, близкую и понятную по ряду параметров, среди которых научный, языковой и, наверное, ментальный (Metzner-Nebelsick 2005). И в завершение этого сюжета ещё один небольшой штрих — нечего и говорить, что никто, кроме Метцнер-Небелсик, не смог увидеть тесней-

стороны, русских эпиграфистов дореволюционной поры, или первых лет советской власти, таких, как В. В. Латышев или Б. Н. Граков, знают и читают до сих пор. С другой, не так уж и много найдётся научных организаций в мире, которые по своему формату и размаху деятельности выглядели бы мощнее, чем Академия наук СССР. Можно спорить лишь об эффективности этой структуры, и в особенности по разряду гуманитарных, исторических наук.

¹⁶ Уровень компетентности итальянского специалиста неплохо характеризует его уверенность в том, что комплект упряжи из II кургана в Мингечауре датируется VI—V вв. (Castelluccia 2017: 5). Хотя в монографии А. И. Иванчика, которую как будто бы читал Каstellуччиа, довольно подробно рассмотрена историография данного вопроса, на основании чего и сделан вывод о том, что комплект упряжи из II кургана, вероятно, относится ещё к IX в. (Иванчик 2001: 155).

¹⁷ Дабы насытить форму содержанием, отмечу, что работы, подобные монографиям Дитц и Рейнхольд, очевидно, принадлежат перу исследователей второй категории по классификации, предложенной в начале.

¹⁸ Закрепление украинского языка в ущерб русскому ведёт к партикуляризации национальной науки и утверждению за ней незавидного провинциального статуса.

№3. 2023

шей связи культуры населения Гордеевского могильника с белозерской (Pare 2017: 59).

Почтеннейший, глубоко уважаемый мною мэтр переднеазиатской археологии Оскар Маскарелла в своих трудах неоднократно обращался к теме предметов вооружения, часть из которых (колчаный набор, к примеру) типологически теснейшим образом связана с аналогичным вооружением евразийских кочевников начала раннего железного века. Судя по содержанию этих работ О. Маскареллы, о соотношении киммерийских и скифских колчаных наборов много говорили и обстоятельно писали Boehmer, Cleuziou, Moorey, Curtis, Burney (Derin, Muscarella 2001: 198 ff), то есть кто угодно, кроме А. И. Мелюковой, чья фундаментальная монография опережает наиболее ранние творения вышеперечисленных исследователей как минимум на 10—20 лет. Неудивительно, что типологию наконечников Маскарелла представляет себе в виде простейшей схемы: двухлопастные = киммерийские, и трёхлопастные = скифские (Muscarella 1988: 107). Градация внутри этих двух отделов осталась вне поля зрения американского исследователя.

К исследователям дальнего зарубежья тесно примыкают и их коллеги постсоветского пространства, не склонные, скажем так, придавать большое значение миграционному фактору (или вообще учитывать его), особенно и в первую очередь, если он восточного происхождения. Как-то в частной беседе М. Е. Ткачук заметил, что человек (историк или археолог по профессии), который родился и вырос в одном условном населённом пункте, а его перемещения в пространстве были весьма ограничены, почти обречён быть автохтонистом. С этим, разумеется, ничего поделать нельзя. Но вот если научные взгляды, порождённые этим обстоятельством, будут развиваться параллельно с инициативной, требовательной идейно-политической программой, в основе которой преодоление всевозможных комплексов, в том числе — комплекс национальной неполноценности, сублимированный в национальное величие, то тогда в качестве исследовательской парадигмы формируется бескомпромиссный или даже агрессивный автохтонизм. Яркий пример — идея фракийского континуитета в Молдавии, истоки которого теряются где-то во мгле балканского энеолита. Культурогенез фракийцев выглядит как однажды сотворённая форма, параметры и содержание которой с тех пор очень ревностно оберегаются от любых посягательств из-

вне. Исторические фракийцы ведут свой отсчёт с опорой на Гомера от конца бронзового века. После этого они непрерывно трансформируются из одной сущности в другую, не теряя при этом своего этнического и культурного лица. В начале в виде блока культур фракийского гальштата, а затем исторических народов — гетов, даков, волохов, молдаван и румын (Брумяк 2005b). Эпизоды внедрения извне в это плавно текущее, величественное развитие, всё же случались, но это всё были досадные исключения. Так, в историческом пространстве «Гетики» «...с трудом находилось место лишь для скифов, и то на правах агрессивных завоевателей, с которыми приходилось считаться в древние времена, и с курганами, с которыми приходится считаться в нынешнее время» (Ткачук 1999: 300).

Существует такая же тенденция и в украинской историографии. Наиболее показательными здесь являются работы М. Бандриковского по генезису древностей раннего железного века в Восточной Галиции и Волынском Полесье, в которых автор очевидно стоит на позициях воинствующего автохтонизма. Правда, эта его позиция кажется непоследовательной, или, во всяком случае, двойственной. С одной стороны, он, безусловно, учитывает наличие довольно тесных контактов между этими районами и областями Среднего Поднепровья и Северного Кавказа, а район Среднего Поднепровья даже называет материнским по отношению к ареалу западноподольской группы (Бандрівський 2014: 377, 379). С другой, автор категорически не приемлет физического внедрения сюда кочевников-иранцев, полагая при этом, что всадническая аристократия, которая здесь всё же существовала, была исключительно местного происхождения (Там же, 380, 415). В итоге, говоря о генезисе западноподольской группы, речь, по мнению М. Бандриковского, нужно вести «...не про безперешкодні рухи у всіх напрямках “невловимих” (принаймні на археологічному рівні) кочовців-іранців, а про цивілізаційні етапи автохтонного етносу, який зумів на відповідному рівні себе підняти і поставити на тлі високо розвинутих народів тогочасної Європи» (Там же, 380)¹⁹.

¹⁹ Совершенно отдельная и весьма резонансная тема — использование новых методик, которые всегда воспринимались на Западе как панацея (этакое «Wunderwaffe»), в окончательном и бесповоротном решении разного рода проблем и, в первую очередь, миграционных и хронологических. С¹⁴, поправки к С¹⁴,

Что со всем этим делать? Можно ли исправить сложившуюся ситуацию? Очевидно, что в краткосрочной перспективе это сделать невозможно. Можно было бы подумать о горизонтах более отдалённых, но здесь возникает вопрос: а нужно ли это вообще? Принцип сообщающихся сосудов не действует, и свободное перетекание научных идей, мнений, концепций и гипотез происходит только по линии Запад-Восток, но никак не Восток-Запад. Открытость 90-х гг. и радостное предвкушение необыкновенно плодотворного взаимного обогащения в нашей науке, так же как и в других сферах общественной (и не только) жизни, не оправдалось. Всё осталось в прежних границах. Правда, заработали механизмы совместных проектов, экспедиций, конференций и симпозиумов. Открылись настоящие кладовые в виде зарубежных стипендиальных фондов, институтов, библиотек и пр. Мы необыкновенно расширили свой количественный багаж и, вложив это количество в качественные (общие) разработки (идеи), многие из которых были сформулированы давно, мы ожидали и были вправе ожидать соответствующей оценки, или хотя бы реакции со стороны наших коллег.

дендрохронология, гаплогруппы и пр. В отношении хронологии образцом легкомыслия и научной безответственности является сюрреалистическая монография М. Тракселя (Trachsel 2004), которая вывела из душевного равновесия многих впечатлительных членов восточноевропейского научного сообщества (см., напр.: М. Дараган, М. Бандриковский). И если М. Дараган только ссылается на эту работу в числе прочих (Дараган 2011: 537, 609 и т. д.), то для М. Бандриковского, по его собственному признанию, шкала Тракселя — основа для хронологии памятников раннего железного века в Восточной Галиции и на Волыни (Бандриковский 2014: 305). На просторах Евразии существует великое множество подобных сюжетов. Например, феномен мавзолеев Северного Тагискена, который стараниями Дж. Л. Боноры отправлен почти в неконтролируемое странствие по просторам II тыс. (Вопога 2018: 323).

Для того, чтобы осознать преимущества и недостатки этих методик, нужно время, по прошествии которого часто оказывается, что они, методики, нуждаются в корректировках, поправках, уточнениях, а это иногда серьёзно снижает их разрешающие возможности (поправка Либби, галыштатское плато, резервуарный эффект и пр.). Весьма показательный пример даёт контекст знаменитого кораблекрушения у м. Улубурун в средиземноморских водах Турции. После того, как среди прочего добра на затонувшем корабле был найден золотой скарабей с картушем Нефертити, и калиброванные радиоуглеродные даты, и дендрохронология с удивительным смирением и покорностью стали в кильватер хронологии конвенциональной (Manning et al. 2009: 176, 183).

Да, языковой барьер и сейчас выступает как один из факторов изоляции в науке. Пока он был частью общей тенденции изоляционизма в советском обществе и государстве, в котором и наука провозглашалась самодостаточной, его влияние особо не ощущалось. Впрочем, сегодняшнее, фактически первое поколение постсоветских учёных языковой комплекс преодолевает. Но совершенства в мире, в том числе и в мире науки, нет и быть не может²⁰. Обретение одних качеств не означает сохранение прежних. Сегодня я вижу два качественных явления в исторической и археологической науке, которые формируют специфику во взаимодействии Востока и Запада, и специфика эта как раз и определяет перспективу такого солидарного движения на пути к знанию, как не самую благоприятную.

Первое, высокомерие, которое в практической плоскости сводится к тому, что можно назвать научным колониализмом. Потребление ресурсов (источников), которые были накоплены советской археологией в таком количестве, в каком этого не было ни в одной стране, плюс гигантская территория СССР, которая исторически была обречена вмещать в себя множественные области культурогенеза и контактных зон, полные географические циклы континентальных миграций и пр.

Соответственно, отношение к восточноевропейской историографии потребительское, и в основном ограничивается привлечением, использованием фактического материала, т. е. публикациями новых вещей, комплексов и пр. Работы обобщающего, синтезирующего характера, да ещё и с претензиями на новые концепции или новую трактовку давно известной проблемы, воспринимаются весьма холодно. Если вообще воспринимаются. При этом святая вера европейских учёных в то, что интерпретационные модели доступны только сознанию представителей романогерманской цивилизации, консолидирует их лишь перед лицом восточных европейцев, и в том числе, учёных постсоветского пространства. Между собой у староевропейцев те же проблемы взаимного внимания и при-

²⁰ Классической иллюстрацией этого по-житейски безрадостного, но философски безукоризненного тезиса для меня всегда был диалог Маленького Принца с Лисом, когда выяснилось, что на планете, где живёт Маленький Принц, нет охотников. Но восторг Лиса по этому поводу был недолгим, поскольку, увы, оказалось, что кур там тоже нет.

знания по части моделирования историко-археологических процессов и вариантов их объяснения. Надменное игнорирование идей французской Школы «Анналов» было и остаётся характерным для британской исторической науки (может быть, сегодня уже не в той степени). В свою очередь, французы весьма невысоко оценивали немецкую историографию, а скандинавскую историческую науку игнорировали уже на уровне источников (Гуревич 2014: 184, 408—409)²¹.

И второе обстоятельство, уже объективного свойства. Ситуация усугубляется в последнее время информационным потоком лавинообразного характера, который буквально обрушился на научное сообщество. Сотни самых различных изданий, десятки конференций, семинаров, симпозиумов, конгрессов и прочих научных сборищ, всё это ведёт к тому, что владеть информацией по интересующей проблеме становится практически невозможным. И шансов на это тем меньше, чем шире круг интересов конкретного исследователя. Одно из следствий этого информационного шквала — максимально сужение научной тематики, пропорциональное объёму литературы, который, в свою очередь, прямо зависит от насыщенности (репрезентативности) фонда источников. Однако, уход в частности чреват потерей перспектив в решении проблем общего характера. Достижение высочайшего уровня коммуникабельности шло параллельно с дроблением, сегментацией процесса познания, развитием узкоспециальных направлений и, как следствие, утратой способности к более или менее широкому охвату проблемы.

И здесь заявляет о себе личностно-научный фактор. Большое число учреждений — большое число сотрудников — огромное количество археологических экспедиций, всё это ложится на благодатное поле человеческих амбиций. Наука — одна из сфер жизни, где существует весьма благоприятная почва для культивирования этих самых амбиций. Как и в политике, здесь остро присутствует желание громко заявить о себе. Самый простой способ — сенсационное открытие.

Правда, это практически неосуществимо. На всю 200-летнюю историю египтологии приходится один-единственный Тутанхамон. И вряд ли стоит рассчитывать сегодня, к примеру, на то, что где-то в горах Загроса скрывается ещё одна условная Бехистунская надпись.

Однако оригинальность суждений, своеобразие взгляда на проблему при стереоскопическом её восприятии, весь этот комплекс способностей — товар штучный. Поэтому хорошо заметен преобладающий интерес к работам публикационного характера — изображение предмета, место находки, культурная принадлежность, датировка. Подобный жанр общедоступен, а значит, максимально демократичен и т.о. находится в тренде постмодернистской (неолиберальной) системы ценностей современного Запада. Он задаёт один общий уровень, который должен объединять максимально возможное число исследователей, предотвращая тем самым неравенство в сфере науки. Здесь-то и возникает та самая деформированная система ценностей, а фактически, это антисистема, которая вполне может вторгнуться в науку со своими более чем сомнительными постулатами.

Наступит ли пресыщение и надо ли вообще стремиться как-то исправить сложившуюся ситуацию? Наверное нет, да это и невозможно, в том числе и потому, что рецепт этого исправления остался в прошлом. Как будут развиваться события дальше, мы не знаем. И появление этой статьи было вызвано лишь желанием высказаться по данному вопросу и на основе личных наблюдений зафиксировать текущее положение дел. А оно таково, что две традиции научного знания продолжают существовать параллельно друг другу, и, по законам математики, в актуальной бесконечности им не суждено сойтись. Как вероятно, Западу и Востоку, в чём так был уверен Киплинг²².

²¹ Книга самого Гуревича «Категории средневековой культуры», хотя и была переведена на французский язык, но, как пишет Питер Бёрк, с полунегативным предисловием признанного мэтра французской медиавистики Жоржа Дюби, которое несло в себе патерналистский, покровительственный оттенок (Гуревич 2014: 11—12).

²² Похожая проблема существовала в советской археологической науке (существует она и сейчас), когда патерналистское высокомерие двух центров материального, духовного и всех прочих видов достатка транслировалось и на провинциальную науку. Интересно, что, как только эти провинции, во многом справедливо обижавшиеся на обе столицы СССР, сами стали центрами (безусловными столицами), они точно так же стали вести себя по отношению теперь уже к своим собственным (вторичным) провинциям.

Литература

- Бандрівський М. 2014. *Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початку доби раннього заліза*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ.
- Бруяко И. В. 2005a. *Ранние кочевники в Европе. X—V вв. до Р.Х.* Кишинёв: ун-т ВАШ.
- Бруяко И. В. 2005b. Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель. *Stratum plus* (3) (2003—2004), 245—254.
- Бруяко И. В. 2009. Киммерийский псалий из окрестностей городища Каргал на Нижнем Дунае. В: Бессонова С. С. (отв. ред.). *Эпоха раннего железа*. Сб. научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава: ИА НАНУ, 48—55.
- Вальчак С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.
- Вернадский Г. В. 2001. *Монголы и Русь*. Тверь; Москва: Леан-Аграф.
- Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.* Москва: Наука.
- Гуревич А. Я. 2014. *Исторический синтез и Школа «Аналов»*. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга.
- Дараган М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепропровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.
- Златковская Т. Д. 1955. Племенной союз гетов под руководством Буребисты. *ВДИ* (2), 73—91.
- Иванчик А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.
- Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. *Древний город Тира*. Киев: Наукова думка.
- Парцингер Г. 1998. Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии. *ВДИ* (2), 104—115.
- Ростовцев М. И. 2002. *Избранные публицистические статьи. 1906—1923*. Москва: РОССПЭН.
- Ткачук М. Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли. *Stratum plus* (3), 274—304.
- Топал Д. А. 2021. Акинак на западе скифского мира. *Biblioteca «Tyragetia» XXXV*. Chişinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei.
- Хохоровски Я. 1994. Скифские набеги на территорию Средней Европы. *РА* (3), 49—64.
- Чопек С., Трыбала-Зависьяк К., Токарчик Т. 2020. Хотынецкая агломерация скифского культурного круга и её значение для интерпретации культурных связей раннего железного века на границе Центральной и Восточной Европы. *Stratum plus* (3), 233—250.
- Эрлих В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века*. Москва: Наука.
- Вонора G. L. 2018. A General Revision of the Chronology of the Tagisken North Burial Ground. *ACSS* 24, 307—330.
- Bukowski Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusatian culture*. Warszawa; Wrocław; Kraków: Zakład narodowy im Ossolińskich.
- Castelluccia M. 2017. Transcaucasian Iron Age Metal Horse Bits. *Iran and the Caucasus* 21, 1—12.
- Chochorowski J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur*. Warszawa; Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Crişan I.-H. 1977. *Burebista şi epoca sa*. Bucureşti: Ed. Encicl. Rom.
- Crişan I.-H. 1978. *Burebista and his time*. Bucureşti: Academia RSR.
- Derin Z., Muscarella O. W. 2001. Iron and Bronze Arrows. In: Çilingiroğlu A., Salvini M. (eds). *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989—1998*. Roma: CNR Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 189—217.
- Dietz U.-L. 1998. Spätebronze- und früheisenzeitliche Trensen im Nordschwarzeergebiet und im Nordkaukasus. *PBF XVI* (5). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Kemenczei T. 1977. Hallstattzeitliche Funde aus der Donaukniegegend. *FA XXVIII*, 67—90.
- Kemenczei T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. *AAH XL*, 65—81.
- Kemenczei T. 1994. Hungarian Early Iron Age metal finds and their relations to the steppes. In: Genito B. (ed.). *The archaeology of the steppes. Methods and Strategies*. Napoli, 591—618.
- Kemenczei T. 1996. Notes on the chronology of Late Bronze Age hoards in Hungary. In: Chochorowski J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej*. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi w sześćdziesiąt rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy w Uniwersytecie Jagiellońskim. Kraków, 247—279.
- Kozubova A. 2019. „Something happened in the East but more in the West and South.” Einige kritische Bemerkungen zu östlichen Einflüssen in der Vekerzug-Kultur. *Musaica Archaeologica* (1), 55—185.
- Laszlo A. 2015. Früheisenzeitliche Entdeckungen aus der Moldau. Ein skythisches Gräberfeld in Cozia (Bezirk Iaşi, Rumänien)? In: Szathmári I. *An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit*. Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75. Geburtstag. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 317—338.
- Manning S. W., Pulak C., Kromer B., Talamo S., Ramsey Chr. B., Dee M. 2009. Absolute Age of the Uluburun Shipwreck: A Key Late Bronze Age Time-Capsule for the East Mediterranean. In: Manning S. W., Bruce M. J. (eds.). *Tree-Rings, Kings, and Old World Archaeology and Environment: Papers Presented in Honour of Peter Ian Kuniholm*. Oxford: Oxford Books, 163—187.
- Măndescu D. 2017. Intercultural contacts at the end of Early Iron Age in the northern periphery of the Thracian world. In: Trefný M., Jennings B. (eds.). *Interregional contacts during the first millenium B.C. in Europe*. Proceedings from the session organized during the 19th meeting of European Association of Archaeologists held in Pilsen (5th—9th September 2013). Hradec Králové, 118—130.
- Metzner-Nebelsick C. 2005. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Hordeevka am Südlichen Bug im Spannungsfeld seiner auswärtigen Beziehungen. In: Horejs, B., Jung, R., Kaiser, E., Teržan, B. (Hrsg.). *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. UPA 121. Bonn: Habelt, 293—315.
- Muscarella O. W. 1988. *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. New York.
- Papadopoulos S. 2001. The “Thracian” pottery of South-East Europe: a contribution to the discussion on the handmade pottery traditions of the historical period.

№3. 2023

- BSA 96, 157—194.
- Parducz M. 1973. Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken (Skythen-Urbevölkerung) *AAH* XXV (1—2), 27—63.
- Pare Chr. 2017. Frühes Eisen in Südeuropa: Die Ausbreitung einer technologischen Innovation am Übergang vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr. In: Miroššayová E., Pare Chr., Stegmann-Rajtár S. (Hrsg.). *Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Kommunikation in früheisenzeitlichen Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien*. Archaeolingua 38. Budapest, 11—116.
- Pârvan V. 1926. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București: Cultura Națională.
- Reinhold S. 2007. *Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus*. UPA 144. Bonn: Habelt.
- Ślusarska-Michalik K. 2003. Radiocarbon chronology of the “Hordeevka type”. In: Koško A., Klochko V. (eds.). *The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000—1000 BC*. Baltic-Pontic Studies 12, 365—381.
- Strobel K. 2019. Pseudofakten und Ethnonationalismus am Beispiel der „Geschichte der Daker“: Ein Beitrag zur Dekonstruktion axiomatischer Geschichtsbilder und ihrer Folgen in der Archäologie und Numismatik des Donau- und Balkanraumes. *AM* XLII, 21—66.
- Sulimirski T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwów.
- Teleaga E. 2014. Pecetea lui Skyles și tumultul fastuos de la Agighiol și Cugir. Omisiune și falsificare în fondarea mitului „strămoșilor” românilor, geto-dacii. *SCI-VA* 65 (1—2), 295—318.
- Trybala-Zawiślak K. 2020. The Chotyniec agglomeration and its importance for interpretation of the so-called Scythian finds from South-Eastern Poland. *SA* 72 (2), 87—116.
- Vasiliev V. 1980. *Sciții agatirsi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Editura Dacia.
- Vulpe A. 2012. Herodotus and the Scythian problem in Romania. *Dacia* LVI, 47—75.

References

- Bandrivs'kyj, M. 2014. *Kul'turno-istorychni protsesy na Prykarpatti i Zakhidnomu Podilli v piznij period epokhy bronzy — na pochatku doby rann'oho zaliza (Processes of the Cultural History on Subcarpathia and Western Podolia in the Late Bronze Age — Beginning of the Early Iron Age)*. Lviv: Institute for Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Bruyako, I.V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope. X—V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th — 5th Centuries BC))*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Bruyako, I.V. 2005. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3) (2003—2004), 245—254 (in Russian).
- Bruyako, I.V. 2009. In Bessonova, S.S. (ed.). *Epokha rannego zheleza (Early Iron Age)*. Kyiv; Poltava: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 48—55 (in Russian).
- Val'chak, S.B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the I Millennium BC in the South of Eastern Europe)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
- Vernadsky, G.V. 2001. *Mongoly i Rus' (Mongols and Russia)*. Tver; Moscow: “Lean-Agraf” Publ. (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1989. *Politicheskaya istoriya Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n. e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie (Political History of the Olbian Polis in 7th—1st cc. BC: a Historical-Epigraphical Study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Gurevich, A. Ya. 2014. *Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov» (Historical Synthesis and the School of “Annales”)*. Moscow; Saint Petersburg: “Tsentr gumanitarnykh initsiativ” Publ.; “Universitetskaya kniga” Publ. (in Russian).
- Daragan, M.N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (The Beginning of Early Iron Age in the Forest-Steppe Zone of the Right Bank of Dnieper)*. Kyiv: “KNT” Publ. (in Russian).
- Zlatkovskaia, T.D. 1955. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 73—91 (in Russian).
- Ivanchik, A.I. 2001. *Kimmeriitsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeiskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural-Historical and Chronological Problems of the Archaeology of Eastern European Steppes and the Caucasus in Early Scythian Time)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
- Karyshkovsky, P.O., Klejman, I.B. 1985. *Drevnii gorod Tira (Ancient Town Tyras)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Partsinger, G. 1998. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 104—115 (in Russian).
- Rostovtsev, M.I. 2002. *Izbrannye publitsisticheskie stat'i. 1906—1923 (Selected Publicistic Papers: 1906—1923)*. Moscow: “ROSSPEN” Publ. (in Russian).
- Tkachuk, M.E. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 274—304 (in Russian).
- Topal, D.A. 2021. *Akinak na zapade skifskogo mira (Akinakes in the West of Scythian World)*. Biblioteca „Tyragetia” XXXV. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei (in Russian).
- Chochorowski, J. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 49—64 (in Russian).
- Czopek, S., Trybala-Zawiślak, K., Tokarczyk, T. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 233—250 (in Russian).
- Erlikh, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: Protomeotskaia gruppa pamyatnikov (Northwestern Caucasus at the Beginning of the Iron Age: Proto-Meotic Group of Sites)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Bonora, G.L. 2018. A General Revision of the Chronology of the Tagisken North Burial Ground. *ACSS* 24, 307—330.
- Bukowski, Z. 1977. *The Scythian influence in the area of Lusitanian culture*. Warszawa; Wrocław; Kraków: Zakład narodowy im Ossolińskich.
- Castelluccia, M. 2017. Transcaucasian Iron Age Metal Horse Bits. *Iran and the Caucasus* 21, 1—12.
- Chochorowski, J. 1985. *Die Vekerzug-Kultur*. Warszawa; Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Crișan, I.-H. 1977. *Burebista și epoca sa*. București: Ed. Encicl. Rom.
- Crișan, I.-H. 1978. *Burebista and his time*. București: Academia RSR.
- Derin, Z., Muscarella, O.W. 2001. Iron and Bronze Arrows. In Çilingiroğlu, A., Salvini, M. (eds.). *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989—1998*. Roma: CNR Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 189—217.
- Dietz, U.-L. 1998. Spätebronze- und früheisenzeitliche Trensen im Nordschwarzmeergebiet und im Nordkaukasus. *PBF* XVI (5). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Kemenczei, T. 1977. Hallstattzeitliche Funde aus der Donaukniegegend. *FA* XXVIII, 67—90.
- Kemenczei, T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. *AAH* XL, 65—81.
- Kemenczei, T. 1994. Hungarian Early Iron Age metal finds and their relations to the steppes. In Genito B. (ed.). *The archaeology of the steppes. Methods and Strategies*. Napoli, 591—618.
- Kemenczei, T. 1996. Notes on the chronology of Late Bronze Age hoards in Hungary. In Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi w sześćdziesiąt rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy w Uniwersytecie Jagiellońskim*. Kraków, 247—279.
- Kozubova, A. 2019. „Something happened in the East but more in

- the West and South.“ Einige kritische Bemerkungen zu östlichen Einflüssen in der Vekerzug-Kultur. *Musaica Archaeologica* (1), 55—185.
- Laszlo, A. 2015. Früheisenzeitliche Entdeckungen aus der Moldau. Ein skythisches Gräberfeld in Cozia (Bezirk Iași, Rumänien)? In: Szathmári, I. *An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit*. Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75. Geburtstag. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 317—338.
- Manning, S.W., Pulak, C., Kromer, B., Talamo, S., Ramsey, Chr.B., Dee, M. 2009. Absolute Age of the Uluburun Shipwreck: A Key Late Bronze Age Time-Capsule for the East Mediterranean. In Manning, S.W., Bruce, M.J. (eds.). *Tree-Rings, Kings, and Old World Archaeology and Environment: Papers Presented in Honour of Peter Ian Kuniholm*. Oxford: Oxford Books, 163—187.
- Măndescu, D. 2017. Intercultural contacts at the end of Early Iron Age in the northern periphery of the Thracian world. In Trefný, M., Jennings, B. (eds.). *Interregional contacts during the first millenium B.C. in Europe*. Proceedings from the session organized during the 19th meeting of European Association of Archaeologist held in Pilsen (5th—9th September 2013). Hradec Králové, 118—130.
- Metzner-Nebelsick, C. 2005. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Hordeevka am Südlichen Bug im Spannungsfeld seiner auswärtigen Beziehungen. In Horejs, B., Jung, R., Kaiser, E., Teržan, B. (Hrsg.). *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. UPA 121. Bonn: Habelt, 293—315.
- Muscarella, O.W. 1988. *Bronze and Iron. Ancient Near eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. New York.
- Papadopoulos, S. 2001. The “Thracian” pottery of South-East Europe: a contribution to the discussion on the handmade pottery traditions of the historical period. *BSA* 96, 157—194.
- Parducz, M. 1973. Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken (Skythen-Urbevölkerung) *AAH* XXV (1—2), 27—63.
- Pare, Chr. 2017. Frühes Eisen in Südeuropa: Die Ausbreitung einer technologischen Innovation am Übergang vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr. In Mirolъayovă, E., Pare, Chr., Stegmann-Rajtár, S. (Hrsg.). *Das nördliche Karpatenbecken in der Hallstattzeit. Wirtschaft, Handel und Kommunikation in früheisenzeitlichen Gesellschaften zwischen Ostalpen und Westpannonien*. *Archaeolingua* 38. Budapest, 11—116.
- Pârvan, V. 1926. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București: Cultura Națională.
- Reinhold, S. 2007. *Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus*. UPA 144. Bonn: Habelt.
- Ślusarska-Michalik, K. 2003. Radiocarbon chronology of the “Hordeevka type”. In Koško, A., Klochko, V. (eds.). *The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000—1000 BC*. *Baltic-Pontic Studies* 12, 365—381.
- Strobel, K. 2019. Pseudofakten und Ethnonationalismus am Beispiel der „Geschichte der Daker“: Ein Beitrag zur Dekonstruktion axiomatischer Geschichtsbilder und ihrer Folgen in der Archäologie und Numismatik des Donau- und Balkanraumes. *AM* XLII, 21—66.
- Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwów.
- Teleaga, E. 2014. Pecetea lui Skyles și tumulii fastuoși de la Agighiol și Cugir. Omisiune și falsificare în fondarea mitului „strămoșilor” românilor, geto-dacii. *SCIVA* 65 (1—2), 295—318.
- Trybala-Zawiślak, K. 2020. The Chotyniec agglomeration and its importance for interpretation of the so-called Scythian finds from South-Eastern Poland. *SA* 72 (2), 87—116.
- Vasiliev, V. 1980. *Sciții agatirsi pe teritoriul României*. Cluj-Napoca: Editura Dacia.
- Vulpe, A. 2012. Herodotus and the Scythian problem in Romania. *Dacia* LVI, 47—75.

Статья поступила в номер 28 октября 2022 г.

Igor Bruyako (Odessa, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Igor Bruyako (Odesa, Ucraina). Doctor în științe istorice. Muzeul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Бруяко Игорь Викторович (Одесса, Украина). Доктор исторических наук. Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины.

E-mail: ibruyako@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6359-2806

Address: ¹ Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 65026, Ukraine

Список сокращений

AB	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АлтГПУ	— Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул.
АлтГТУ	— Алтайский государственный технический университет. Барнаул.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН	— Академия наук.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики. Киев.
АН ЧР	— Академия наук Чеченской Республики. Грозный.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АОРБ	— Археологическое общество Республики Башкортостан. Уфа.
АР	— автономный район (в КНР).
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БГПУ	— Барнаульский государственный педагогический университет (ныне АлтГПУ).
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БКИ	— Банк культурной информации. Екатеринбург.
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
БФ	— Боспорский феномен.
БФАН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВAAЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
BAУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск / Екатеринбург.
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВИА. Т. 2	— Маркузон В. Ф., Михайлов Б. П. (отв. ред.). Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Архитектура античного мира. Москва: Стройиздат, 1973.
ВИЛИ	— Вестник истории, литературы, искусства. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
гл.	— глубина.
ГМВ	— Государственный музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
д.	— деревня.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗИИМК РАН	— Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИА им. А.Х. Маргулана	— Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИВ НАНУ	— Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной Академии наук Украины.
ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Москва.
ИИАК	— Известия Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.

ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФиФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИИЯЛ УНЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уральского национального центра Российской Академии наук. Екатеринбург.
ИИЯЛ УФИЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук.
ИНИОН АН СССР	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Москва.
ИЦиГ СО РАН	— Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИЭА	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КазНУ им. Аль Фараби	— Казахский национальный университет им. Аль-Фараби. Алматы.
КалмГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КарГУ	— Карагандинский государственный университет. Караганда.
кв.	— квадрат.
КГУ	— Курганский государственный университет. Курган.
КДПУ	— Кировоградський державний педагогічний університет ім. В. Вінниченка. Кировоград.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской Академии наук. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК	— Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Москва.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МАЭ УФИЦ РАН	— Музей археологии и этнографии Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук. Уфа.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. Москва.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАН	— Национальная академия наук.
НАН РК	— Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НИСО	— научно-издательский совет.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАЗ	— Полтавський археологічний збірник. Полтава.
ПАЭАССТ	— Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
пос.	— поселок, поселение (в зависимости от контекста).
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РФСОН	— Российский фонд содействия образованию и науке. Москва.
РЭ	— Российская энциклопедия.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.

№3. 2023

СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ	— Сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТиПАИ	— Теория и практика археологических исследований. Барнаул.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УрГУ	— Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск / Екатеринбург.
УРО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське товариство охорони пам'яток історії і культури. Київ.
ФИА	— Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана. Астана / Нур-Султан.
фр.	— фрагмент, -ы.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'ятокознавства Національної Академії наук України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЧГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЧРАЭ	— Чирикратская археологическая экспедиция.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
ААН	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
ACSS	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
AM	— Archeologia Moldovei. Iași.
BMC	— The British Museum Catalogues of Coins.
BSA	— The Annual of British School at Athens.
FA	— Folia Archaeologica. Budapest.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart.
RA	— Revista arheologica. Chișinău.
RG	— Recueil Générale des Monnaies Grecques d'Asie Mineure. Paris.
SA	— Sprawozdania archeologiczne. Kraków.
SCIVA	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București.
UPA	— Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn.